

ОСВОЕНИЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII В.

Побережников Игорь Васильевич —

кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России XVI-XIX вв. ИИА УрО РАН

XVII столетие — важный этап в истории освоения крайнего севера Западной Сибири, отмеченный заметным сдвигом хозяйственной активности русского населения в восточные районы региона, в так называемую Мангазею. Начало данного периода ознаменовалось созданием укрепленных опорных центров русского присутствия в регионе — Березова (1593), Обдорска (1595 или 1596 г.) и Мангазеи (1601). С их возникновением были созданы условия для укрепления русских позиций на территории крайнего севера Западной Сибири, для фактического включения ее в состав Русского государства. Обдорск и Мангазея первоначально не имели постоянного населения. Их гарнизоны состояли из регулярно сменяемых (каждый год) служилых людей — годовальщиков, прибывавших из Тобольска и Березова для удержания в повиновении окрестных аборигенов и сбора с них ясака, обеспечения контроля за торговлей. В Мангазею в 1625 г. было переселено «на вечное житье» из Тобольска 50 «новоприборных» стрельцов с семьями; общая численность постоянного гарнизона достигла 65 человек, а через четыре года мангазейский воевода Г.И. Кокорев в дополнение к ним набрал на службу еще 40 человек из приезжих промышленников¹.

Создается таможенная система. Таможенные заставы учреждаются в 1597 г. в Обдорске и на р. Сось, а несколько позднее южнее — на р. Киртас. Таким образом, был установлен надежный контроль над потоками товаров в Сибирь и из Сибири, а также над торговыми и промышленными людьми, двигавшимися в обоих направлениях по «чрезкаменному» пути и шугорской дороге с выходами в Зауралье на Обдорск и Березов.

На рубеже XVI/XVII в. пространство

Северо-Западной Сибири включается в состав формирующихся уездов — Березовского в западной части и Мангазейского в восточной. На эти земли распространяется система русского государственного управления в лице воевод, ясачных сборщиков. Система опорных пунктов облегчала увеличение числа плательщиков налога — объяснение (означавшее реальное подчинение автохтонов власти Москвы), которое заметно активизировалось в данный период по сравнению с прошлым и в Обдорск, и, особенно, в районе Мангазеи (при этом процесс данный не отличался стремительными темпами; мангазейские власти сумели окончательно установить свое политическое господство и обложить коренное население ясаком лишь к 1640-м гг.²).

Начинается медленный процесс интеграции автохтонов в российскую административную систему, создаваемую на востоке страны. Процесс этот был трудным и извилистым. Тем не менее, в некоторой степени он был облегчен на крайнем севере Западной Сибири относительно невысоким уровнем этнической консолидации аборигенного населения Северного Приобья к моменту прихода туда русских. При этом угорские «княжества» оставались политически достаточно разобщенными. Продолжалась вражда между остяками и вогулами, «князцы» нередко совершали военные походы на соседей с целью наживы. Таким образом, аборигенное население Северного Приобья «...представляло собой конгломерат различных племен и межплеменных объединений, не сложившихся в единый социально-политический организм. Устойчивой союзнической межплеменной федерации угорских племен так и не образовалось... интеграции обско-угорского населения препятствовал такой фактор, как

¹ Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. ... С. 20; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 22—23.

² См.: Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. ... С. 24.

обширность занимаемой ими территории при малой плотности населения»³.

Включение крайнего севера Западной Сибири в состав России способствовало трансформации направлений и механизмов интеграции. Аборигенное население было поставлено в новые социально-политические и экономические условия. Правительственная политика, направленная на укрепление ясачного обложения народов Сибири, привела к разрушению прежней системы взаимосвязей между людьми; управление коренными жителями стало осуществляться по созданным российской администрацией ясачным волостям. В связи с установлением государственного правопорядка изменилась роль «князцов», утративших функции военных вождей и облеченных ответственностью за сбор ясака с населения волости. Прекратились внутренние междоусобицы и межэтнические столкновения, в связи с чем «городки» обских угров утратили военное оборонительное значение. Установление политической стабильности, прекращение постоянных военных конфликтов способствовало переориентации интегративных процессов в русло территориально-соседских объединений (общин и волостей)⁴.

В процессе устройства в Нижнем Приобье российской административно-территориальной системы коренное население было включено в две инородные угорско-самодийские по своему составу волости — Обдорскую и Куноватскую, в которых верховенствовали остяки. При этом правительство сделало ставку на родоплеменную угорскую знать, которой поручались внутреннее управление и суд среди аборигенов, сбор и сдача в казну ясака. Такой порядок привел к сохранению на севере Западной Сибири фактически до конца XIX в. наследственных княжеских династий (Тайшиных в Обдорской и Лугуевых-Артанзеевых — в Куноватской волости), сумевших сберечь определенную долю самостоятельности и длительное время, по крайней мере в XVII и даже в XVIII в., возглав-

лявших то открытое, то скрытое сопротивление своих соплеменников русским властям⁵.

Что касается самодийцев, то натиск на них со стороны угров, интенсификация русского освоения Северного Зауралья, создававшие угрозу свободе, вызвали в качестве ответной реакции, как считают этнологи, становление у них специфической формы хозяйственно-культурной адаптации, а именно крупнотабунного оленеводства, что обеспечило им транспортную независимость, мобильность и хозяйственную самодостаточность, придало их кочевому обществу такие черты, как воинственность, агрессивность, склонность к экспансии (потребностью оленеводства являлось расширение оленьих стад и зоны обитания, прежде всего пастбищных угодий), в конечном счете способствовало относительно быстрому численному росту ненцев на протяжении XVII—XIX вв.⁶

Проникновение русских за Урал диктовалось торговыми и промышленными интересами. Одним из важнейших стимулов движения землепроходцев являлась погоня за ценной пушниной, которой изобиловала в тот период Сибирь. В частности, предметом устремлений был соболь, встречавшийся в большом количестве. Яркая промысловая колонизация на первых порах оставляла далеко позади себя скромную земледельческую колонизацию. Сибирские меха составляли заметную долю в государственном бюджете (от 1/10 до 1/3 всех доходов казны, по подсчетам различных авторов). Стоимость всей пушнины, ежегодно поступающей из Сибири в казну в

⁵ См.: Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 147—148; Первалова Е.В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард, 2000. С. 152—190; Она же. Северные ханты... С. 32—110; Очерки истории Югры. С. 123—126, 128—130, 136—137, 141—143, 147—150, 156—159.

⁶ Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1976. № 2. С. 57—69; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 87—106; Он же. Говорящие культуры... С. 50—51, 103—104, 106—109; Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695—1992 гг. // Древности Ямала... С. 132—133, 144—146; Лёзова С.В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в.: диалог кочевников и чиновников // Там же. С. 191—193.

³ Мартынова Е.П. Этническая консолидация или этническая дифференциация... С. 410.

⁴ Там же. С. 410—411.

XVII в., по мнению С. В. Бахрушина, составляла 100—150 тыс. руб. по тогдашней цене⁷. Меха принадлежало не последнее место и в накоплении купеческих капиталов.

Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению земель за Уралом. Недаром именно на XVII в. (20—80-е гг.; к концу столетия пушные промыслы и торговля в Сибири потеряли существенное значение) приходится пик русской промысловой деятельности. При этом примерно до 1670—1680-х гг. основная масса сибирской пушнины доставалась не государству, а добывалась частными лицами (только учтенная доля последних в первой половине столетия составляла почти $\frac{1}{4}$ всей добычи). Правительство было в высшей степени заинтересовано в русских пушных промыслах, поскольку в 20—50-х гг. казна получала от них около $\frac{1}{3}$ всей пушнины без всяких материальных затрат в виде десятинной таможенной пошлины⁸.

Естественно, промышленники были весьма мобильным элементом. В свое время эта черта, присущая данной категории населения, преувеличивалась историками, в особенности представителями областнического направления, в связи с чем предлагались не совсем корректные характеристики исторической эпохи в целом. Так, А. П. Шапов определял XVII в. в истории Сибири как время «бродячей звероловческой колонизации»; Н. М. Ядринцев заявлял, что «народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов». По мнению Н. Н. Козьмина, промысловое движение было поверхностным, промышленные и торговые люди лишь скользнули по тайге и тундре.

При этом категория промышленников была весьма неоднородной; со временем в ее среде формировались группы, связанные с

определенными районами Сибири, шел медленный процесс трансформации их в постоянное промысловое население. «У русских промышленников в Сибири в период развитого соболиного промысла (в 20—80-е годы XVII в.), — писал П. Н. Павлов, — можно было найти все степени связи с первоначальной родиной и новым краем от единовременного посещения Сибири до постоянного поселения там. Часто промышленник представлял собой переходный тип между своеобразным отходником и постоянным жителем Сибири. Наличие в Сибири значительной группы более или менее постоянного, хотя и не осевшего в определенном пункте местного промыслового населения дает основание рассматривать промысловое освоение и на этом этапе как составную часть русской колонизации Сибири. Этот вывод будет более уверенным, если учесть, что процесс формирования постоянного русского промыслового населения Сибири начался с первых шагов промыслового движения»⁹.

В скупке пушнины у русских промышленников П. Н. Павлов отвел главное место торговым людям Москвы, Ярославля, Соли Вычегодской, Устюга и других центральных и поморских городов и уездов, отметив, что им не удалось взять в свои руки организацию пушного промысла. Добыча пушнины, по аргументированному мнению П. Н. Павлова, производилась преимущественно личным промыслом промышленников, а также личным промыслом с использованием труда 1—2 покручников. Автор отмечает, что многие промышленные люди ходили в Сибирь на промыслы по несколько раз или промышляли соболя несколько сезонов подряд¹⁰.

В XVII в. русский пушной промысел в от-

⁷ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 53; Также см.: Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири... С. 47.

⁸ Павлов П. Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сибирь, XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962 (Сибирь периода феодализма. Вып. 1). С. 134, 135—136.

⁹ Павлов П. Н. Характер передвижения русских промышленников в Сибири во время развитого соболиного промысла (20—80-е годы XVII в.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 110—111.

¹⁰ Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле... С. 17—39; Также см.: Он же. Покрутная запись на соболиный промысел в XVII веке // Советские архивы. 1968. № 5. С. 55—58; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 236.

носителем бедных ценным пушным зверем западных уездах Сибири был незначительным. Подавляющую часть пушнины давали восточные Мангазейский, Енисейский и Якутский уезды. При этом в данной тройке лидеров длительное время всех опережала «златокипящая» Мангазея. Так, по данным П.Н. Павлова, из общего количества пушнины, вывезенной в 1627 г. частными лицами из Сибири на сумму 78,1 тыс. руб. на Мангазейский уезд приходилась доля, оцененная в 63,7 тыс. руб. По официальным подсчетам, в течение 1630—1637 гг. из Мангазеи было вывезено около полумиллиона соболиных шкурок. А.Н. Копылов определил долю Мангазейского уезда в добыче сибирской пушнины для 1627/28 и 1631/32 гг. в 85,5% и 76,2% соответственно. Вывоз торговцами и промышленниками пушнины из Мангазеи начал сокращаться лишь с 1650-х гг. В этом плане к началу 1660-х гг. Мангазейский уезд уже значительно уступал Енисейскому (количество вывозимых соболиных шкурок для данных уездов теперь составляло 5,5—13 тыс. штук и 25—30 тыс. штук соответственно)¹¹.

В данном контексте становится понятным перенос хозяйственной активности русских промышленников в рамках Северо-Западной Сибири в районы Мангазеи, «дальней заоблачной государевой вотчины», которая славилась исключительным богатством пушных промыслов, своими «черны велми и великы» соболями, «шерсть жива соболи по земли ся волочить». Концентрация промышленников в восточных районах, так сказать, на острие фронта, вообще составляла суть русского промыслового освоения Сибири.

Мангазея, будучи административным и торговым центром, базой пушных промыслов, единственным на протяжении почти полувека морским портом Сибири, а также промежуточным пунктом между Обью, Енисеем и

Леной, просуществовала около 70 лет — с 1601 по 1672 г. Эпоха расцвета Мангазеи, связанная с развитием пушного промысла, пришлась на первую половину XVII в.¹². Освоение территории русским населением началось с ее северной части, охватывающей бассейны рек Таза, Турухана, низовий Енисея и его крупнейших притоков — Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также бассейнов Пясины, Хатанги и Анабары и Таймырский полуостров.

Полюсом притяжения в европейской части страны для восточных районов Северо-Западной Сибири в данный период остается Поморье — район динамично развивавшейся торгово-промышленной деятельности, где располагался единственный тогда русский порт для внешнеторговых сношений — Архангельск, регулировавший весь оборот пушной торговли. Центрами торговли сибирской пушиной становятся и Соль Вычегодская, и Устюг, через который осуществлялась связь Печоры с рынками Поволжья. В данный период крайний север Западной Сибири превращается в своего рода продолжение Поморья. Поморье поставляет временную трудовую силу и продовольствие; Северо-Западная Сибирь возвращает ценный пушной продукт. Пустозерск и Архангельск выступают в качестве одного полюса протяженной трассы, Мангазея — в качестве ее конечного (для значительной части мигрантов) пункта. Кратчайшими (по сравнению с дорогой через Тобольск, например) дорогами, связывавшими Поморье и Северное Зауралье, были традиционные проторенные новгородско-поморские пути.

¹¹ Павлов П.Н. Вывоз пушнины из Сибири... С. 128; Копылов А.Н. Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири... С. 97—98; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 31.

¹² По истории Мангазеи см.: Буцинский П.Н. Ук. соч. С. 5—78; Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 77, 81, 84, 86, 92, 108, 175—197, 297—354; Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в. ... С. 59—61, 66—67, 70, 73; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири... С. 107—117; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 11—32, 59—77, 120—121, 143—157, 218—240, 243, 269—287; Он же. Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7—29; Также см.: Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 44—54; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов / Авторы-составители: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 136—158.

Именно по ним и двигались промышленники в Мангазею (северную часть Енисейского края): морским путем, шедшим через Югорский шар, Карское море и полуостров Ямал (или в обход его), и «чрезкаменным» путем (по Печоре и ее притокам, через Уральский хребет, вниз по Оби и полуморским путем по Обской губе, а затем в р. Таз)¹³.

И тот, и другой играли существенную роль в освоении междуречья Оби и Енисея. Именно выходцы из Поморья составляли большую часть промышленников, добывавших драгоценную пушнину за Уралом. Морским путем, по данным начала XVII в., в Мангазею приплывали целые караваны судов промышленников. «Чрезкаменный» путь в данный период также являлся преимущественно дорогой торговых и промышленных людей, шедших на восток в поисках мехов. По тем же дорогам в Северо-Западную Сибирь, в частности, в «беспашенную» Мангазею, доставлялся хлеб из Поморья. Активно использовался сибирский фрагмент «чрезкаменного» пути в Мангазею и в административных целях (из Тобольска вниз по Иртышу и Оби, через Березов и Обдорск, в Обскую губу, затем в Тазовскую губу, к устью р. Таз и вверх по Тазу до Мангазейского города; а также в обратном направлении). Необходимо иметь в виду, что дорога из Поморья и из Тобольска до Мангазеи имела и транзитное значение; по ней промышленники продвигались и дальше на восток, на Енисей, Лену. По словам С.В. Бахрушина, «закинутый в глубь “студеной тундры”, почти под самый по-

¹³ Из новейших работ, в которых анализируется плавание в Мангазею, можно указать содержательное исследование Е.В. Вершинина (Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87—131); Также см.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке... С. 74—134; Порой авторы дифференцируют морские плаванья, выделяя два морских пути в Мангазею из Поморья: 1) смешанный околобереговой морской и речной путь через Ямал с применением системы волоков; 2) морской вдоль берегов Баренцева и Карского морей в обход полуострова Ямал (См.: Старков В.Ф. Северорусские суда XVI—XVII вв. по данным раскопок Мангазеи // Словцовские чтения – 99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1999. С. 227—228). Также см.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 86, 89, 94.

лярный круг, затерявшийся в беспредельных пространствах северных болот, среди воинственных племен — “кровавой самоеди” и других “немирных иноземцев”, — отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших пунктов промышленного движения Сибири был в течение первых десятилетий XVII в. значительной станцией на пути торговых и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы»¹⁴.

В целом если для пути в Сибирь нередко предпочитали официальную дорогу через Верхотурье, то для обратного путешествия из Сибири в Россию преимущественно использовался именно «чрезкаменный» путь. «Все движение из Мангазеи к Руси, — писал С.В. Бахрушин, — шло исключительно через Камень. Через Камень же везли государеву соболиную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога», «... самая пушнина легко умещалась в небольших обласах, совершавших путь через Камень. Этим и объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по “чрезкаменному” пути было оживленнее, чем с запада на восток»¹⁵.

Таким образом, для крайнего севера Западной Сибири жизненно важное значение приобретает своего рода широтная магистраль в двух своих вариантах — морском и сухопутно-речном-полуморском (в последнем случае можно говорить о дуге, выгнутой в направлении на север и имеющей в своей северной части широтную направленность), связывавшая северное Зауралье с Поморьем. Данная магистраль в определенной степени консолидировала и сам крайний север Западной Сибири (Березов-Обдорск-Мангазея), придавая ему подобие региональной целостности. Решающую роль в данной регионально-коммуникационной системе играл Мангазейский город, выступавший в качестве перевалочного пункта, связывавшего Поморье, Западную и Восточную Сибирь

¹⁴ Бахрушин С.В. Избранные труды... С. 333.

¹⁵ Там же. С. 86 – 87.

(енисейские и ленские соболиные промыслы). Сразу же необходимо обратить внимание на хрупкость, непрочность подобной системы, жестко завязанной на истощаемые природные ресурсы, внешнюю в основной своей массе рабочую силу и внешнюю же торговлю.

В Мангазее располагался гарнизон численностью 100-150 человек, но фактически не было постоянного гражданского населения. «Мангазейский город был в сущности большой укрепленной факторней, служившей средоточием главной массы русского промышленного люда, шедшего на промыслы, и одной из главных задач небольшого государства города, с его деревянными башнями и мало пригодной к делу артиллерией, являлась защита торговых и промышленных людей, и сбор с них десятой пошлины»¹⁶.

В городе находили приют сотни промышленников и торговцев. Так, численность зимовавших здесь в 1630-е гг. превышала тысячу человек. При этом, уже проведенные конкретные исследования В.А. Александрова, П.Н. Павлова убеждают в том, что многие промышленники были далеко не случайными гостями в Сибири. В.А. Александров, проследив процесс оседания русского промыслового населения в Мангазейском уезде, выявил начало формирования в прямом смысле слова постоянного русского населения «в массе своей» и складывание семей с середины XVII в.¹⁷.

Используя метод поименного сличения промышленников по разновременным документам Мангазейского уезда, В.А. Александров установил, что уже с первой половины XVII в. прослеживается прочность промысловых связей с Мангазеей в поколениях промышленников из России, что значительная часть промышленников представляла уже «более или менее постоянное, хотя и не осевшее в определенном пункте местное население»¹⁸. Таким образом, достаточно убедительно было обосно-

вано наличие промежуточной группы между временными и постоянными промысловыми жителями Мангазее.

Показателем роста связей промыслового населения с осваиваемой ими территорией, в определенной степени их укоренения, явилось становление мангазейской мирской общины, блестяще проанализированной С.В. Бахрушиным, а также начало формирования культа местного святого — Василия Мангазейского, которого сибирские промышленники почитали в качестве своего патрона¹⁹.

Целый ряд обстоятельств обусловил постепенное угасание Мангазее, завершившееся переносом ее на новое место. В 1616—1619 гг. правительство, обеспокоенное угрозой проникновения западноевропейских торговых компаний морским путем в Обскую губу, запретило его использование. Но более существенное влияние на судьбы Мангазее оказало постепенное истощение пушных ресурсов. Уже в 1640-е гг. обнаружилось их перенапряжение. По мере удаления мест добычи ценного зверя на восток Мангазее теряла прежнее значение базы пушных промыслов. Свою роль сыграло и развитие местного сибирского земледелия: промышленникам становилось выгоднее закупать хлеб в Сибири — первоначально в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе, сформировавшемся первым по времени — в конце XVI — начале XVII вв. — и наиболее мощном в силу относительной близости к европейской части страны и достаточно благоприятных в сравнении с остальной таежной Сибирью почвенно-климатических условий (так, в 1640 г. торговые люди, направлявшиеся на «соболиные промыслы» в Мангазее, закупали в слободах Тюменского, Туринского, Тобольского и Верхотурского

¹⁶ См.: Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 297—354; Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения. 1973 г. Новосибирск, 1973. Вып. II: Вопросы истории Сибири досоветского периода. С. 62—71; Она же. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири... С. 190—210; Литературные памятники Тобольского архиепископского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 345—352, 408—409, 423.

¹⁷ Там же С. 334.

¹⁸ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 63, 121.

¹⁹ Там же С. 66, 67.

уездов 1814 четв. муки и ржи²⁰), а затем, с распространением пашни в Енисейском уезде (с 1640-х гг. енисейский хлеб стал в значительных количествах поступать на рынок), в Енисейске, — а не перевозить хлебные запасы из Поморья, на что также указал историк. В связи с этим теряла значение прежняя хлебная коммуникация, которую стали заменять меридианальные хлебные маршруты по великим сибирским рекам — Оби и Енисею: Тобольск-Березов-Обдорск и Енисейск-Туруханское зимовье. Вероятно, в 1668 г. город был заброшен, его воевода и гарнизон переехали из Мангазеи в Туруханское зимовье, где к 1672—1673 гг. был отстроен новый город. После оставления Мангазеи русское население покинуло р. Таз (тем не менее, в Старой Мангазее, видимо, регулярно бывали ясачные сборщики; имеется свидетельство о их пребывании там в 1679 г., когда они были вынуждены ретироваться под натиском самодийцев), прекратил существование и обратный путь Тазом и Обской губой на Русь. Гораздо раньше Мангазея потеряла свое значение перевалочного пункта на пути в Восточную Сибирь, что также было связано с развитием земледелия в южных районах Сибири. Как образно выразился О.Н. Вилков, «прочная продовольственная база, созданная руками русского крестьянства в узловых пунктах исполтинского транспортного пути из Тобольска в Восточную Сибирь через Енисейск и Илимск, и явилась той решающей силой, которая перетянула торгово-промышленное движение в Восточную Сибирь с Тобольско-Мангазейско-Туруханско-Вилуйского пути на Тобольско-Енисейско-Илимский»²¹. Оставление Мангазеи, нарушение кратчайших связей с Нижним Приобьем и Европейской Россией имели отрицательные последствия для хозяйственного состояния Мангазейского уезда и Северо-Западной Сибири в целом.

Итак, данный этап освоения был создан пушным бумом, небывалым ростом русского соболиного промысла преимущественно в пределах Мангазейского уезда. Упрочение русских позиций в крае к рубежу XVI/XVII вв. и доступность богатых драгоценным пушным зверем районов обеспечили высокий динамизм развития в данный период. В то же время имевшая ярко выраженный товарный характер экономика русских промышленников была узко профилирована, почти не имела связей с преимущественно натуральной экономикой аборигенного населения и не оказывала на последнюю заметного влияния. Будучи ориентированной вовне, эта экономика не создала прочной хозяйственной базы в крае. В результате период завершился упадком русской промысловой деятельности, которая исчерпала возможности ресурсной базы. Прежние хозяйственные связи потеряли значение; крайний север Западной Сибири был как бы расколот на две части, ориентированные теперь уже в южном направлении (по течению Оби и Енисея, соответственно). Исчезло имевшее место прежде призрачное единство всей территории; слабели постепенно связи с Поморьем, торговая жизнь которого со временем также стала падать, уступая место усиливавшейся торгово-промышленной деятельности центра, в частности Москвы. При этом если в западных районах крайнего севера Западной Сибири русское присутствие сохранилось, то в восточных, превратившихся в далекую северную периферию енисейского края, русские стали забрасывать когда-то освоенные зимовья. Правда, активизировалось промысловое освоение правобережья Нижнего Енисея и внутренних районов полуострова Таймыр. Упадок пушных промыслов, оставление Старой Мангазеи, ликвидация широтной магистрали, связывавшей западные и восточные районы крайнего севера Западной Сибири подготовили переход к следующему этапу русского освоения региона.

²⁰ Вилков О.Н. «Русские» товары на тобольском рынке в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири... С. 55.

²¹ Он же. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения... С. 73.